

СОЦИОПОГИЯ

© Г. Ф. ШАФРАНОВ-КУЦЕВ, Е. Р. КУЧЕРЯВАЯ

Тюменский государственный университет
shafranov-kutsev@utmn.ru, evkutch@yandex.ru

УДК 316.34/35

ЭТНОРЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ: ПОНЯТИЙНО-КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АППАРАТ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ О ПРОБЛЕМЕ

ETHNO-RELIGIOUS EXTREMISM: THE CONCEPTUAL AND CATEGORICAL SYSTEM OF THE STUDY AND THE PUBLIC OPINION ON THE ISSUE

В статье представлен анализ этнорелигиозного экстремизма как девиантного поведения антисистемного характера. Предложен авторский подход к рассмотрению сущности этнорелигиозного экстремизма, а также концептуализация данного понятия, изложены основные критерии и типы его проявлений. Теоретическая часть статьи дополняется результатами социологического исследования, проведенного в феврале-апреле 2014 г. с целью изучения мнения населения Тюменской области о состоянии межкультурных отношений и проявлениях этнорелигиозного экстремизма в регионе. Результаты опроса свидетельствуют о достаточно напряженном межкультурном взаимодействии в Тюменской области, протекающем на латентном уровне. Большая часть респондентов толерантно относится к представителям других культур, хотя имеет место неприязнь к отдельным этноконфессиональным группам, которая не носит массового характера и существует на додеятельностном уровне.

The article presents the analysis of ethno-religious extremism as a form of deviant behavior of anti-systemic character. The authors' approach to the examination of the essence of ethno-religious extremism is introduced, as well as the conceptualization of this term, along with main criteria and types of manifestations of religious extremism in the social structure. The theoretical part of the article is supplemented by the results of sociological research conducted in February-April 2014. The aim of the survey was to identify the opinion of the population of the Tyumen region on the current condition of intercultural relations and manifestations of ethno-religious extremism. The results of the survey show us rather intense intercultural interaction in the Tyumen region existing on a latent level. The majority of respondents are tolerant to representatives

of other cultures, although there is a hostility to certain ethnic and religious groups, though of not a wide-scale nature.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Экстремизм, девиация, девиантное поведение, культура, этнос, конфессия.

KEY WORDS. Extremism, deviation, deviant behavior, culture, ethnos, confession.

В условиях современной российской действительности, характеризующейся экономической нестабильностью, невозможностью удовлетворения базовых потребностей значительной части населения, формируются предпосылки для формирования такого социального явления как *аномия*. Результаты последних социологических опросов населения показывают наличие в обществе таких ее индикаторов, как неясность жизненных ориентиров, возрастание значимости материальных ценностей в противоположность духовным, недоверие к власти и пр. В свою очередь, аномия заявляет о себе ростом числа разнообразных *социальных девиаций*, которые приобретают масштаб серьезных социальных проблем (алкоголизм, наркомания, преступность, коррупция и пр.). Э. Дюркгейм отождествлял все общество как некое множество социальных фактов [15, с. 102]. В то же время, по его мысли, именно религия дала человечеству единение, сформировав массовое сознание [15, с. 114].

Основными факторами, способствующими росту девиационных процессов, являются нивелирование основ традиционной культуры, рост безработицы, бедности и нищеты, ухудшение социально-экономической ситуации в целом вследствие глобального кризиса и противостояния Западу в условиях новой «холодной войны», усиление националистических и экстремистско-террористических настроений в мире.

В сфере межкультурного взаимодействия населения девиации проявляются в форме этнорелигиозного экстремизма. В данном случае, это пропаганда и возбуждение расовой и религиозной розни, публичное оправдание терроризма или его осуществления, нарушение прав, свобод и законных интересов человека в зависимости от его национальной, религиозной или языковой принадлежности и пр. [12]. Существует устойчивая корреляция между кризисным состоянием общества и подъемом экстремистских настроений. Переходные периоды, когда традиционные для общества нормы устарели и обесценились, а новые еще не сформировались, всегда являются периодами нестабильности. И поэтому люди, проигрывающие от перемен и чувствующие неуверенность перед их лицом, обращаются к фундаментальным человеческим ценностям, часто в их радикальных формах.

Данный тип социальной девиации становится особенно серьезным в условиях современной глобализации, которая в корне трансформирует структуру общества. Национальное и религиозное, всегда являвшиеся своеобразной базой, на которой строилось общество, постепенно размываются и теснятся под напором новых унифицированных стандартов. Ущемленная этнорелигиозная идентификация усиливается, вызывая всплеск религиозного самосознания, этнонациональных ориентаций, интересов, национально-культурное обособление, многочисленные этнорелигиозные столкновения [9].

Исходя из теории Г. Зиммеля, социальная гармония означает не полное отсутствие конфликтов, иначе общество лишилось бы движения и структуры,

а, скорее, их грамотное разрешение [7]. Данный тезис имеет свое отражение в сфере межкультурного взаимодействия населения, в котором полное преодоление разногласий в принципе невозможно. Это объясняется таким явлением как *ксенофобия*, которая, по мнению многих социологов и антропологов, имеет биологическую природу, т. к. именно инстинкт, лежащий в ее основе, обусловил принципы организации родоплеменных формирований. Это неприятие всего чужого, непривычного, незнакомого. Более того, в обществе существует тенденция судить о чужих культурах с позиции превосходства своей собственной. Это явление называется *этноцентризмом*. Американские психологи М. Бруэр и Д. Кэмпбелл выделили его основные показатели:

а) восприятие элементов своей культуры (норм, ролей и ценностей) как естественных и правильных, а элементов других культур — как неестественных и неправильных;

б) рассмотрение своих обычаев в качестве универсальных;

в) представление о том, что для человека естественно сотрудничать с членами своей группы, оказывать им помощь, предпочитать свою группу, гордиться ею, не доверять и даже враждовать с другими [14].

Так, наибольшее количество негативно-оценочных стереотипов появлялось там, где этнические группы долгое время находились в состоянии конкуренции, конфликта и вражды. Большое количество негативно-оценочных этнических стереотипов в разговорном английском языке объясняется именно историческими причинами: активными международными контактами Великобритании, борьбой за территории, колонизацией, рабовладением в США и иммиграцией в США. Почти все народы, с которыми контактировали британцы и американцы англо-саксонского происхождения, начиная с XVII в., получили пейоративные этнические прозвища, а наиболее устойчивые и сильные этнические предубеждения и, соответственно, этнические инвективы в английском языке возникли к тем народам, которые в определенные периоды являлись наиболее опасными экономическими конкурентами.

Например, негативный образ французов как легкомысленной и вульгарной нации породил наибольшее количество этнических стереотипов с вульгарной коннотацией в разговорном английском языке: French disease — venereal disease, esp. syphilis; French stuff — pornography, any unusual sexual activity; French revolution — the movement for homosexual rights; French embassy — a location with homosexual activity; French postcard — an erotic picture postcard.

Выделяется два типа этноцентризма: 1) благожелательный (гибкий), когда предпринимаются попытки понять иную культуру, и когда он не распространяется на все сферы жизнедеятельности общества; 2) воинственный (негибкий), когда о другой культуре судят не только исходя из собственных ценностей, но и пытаются навязать их другим [13]. Такие социальные явления как ксенофобия и воинствующий этноцентризм нередко становятся инструментами и достижения политическими целями и являются предпосылками возникновения экстремистских проявлений в межкультурном взаимодействии населения. На современном этапе в научном сообществе наблюдается высокий интерес к проблеме этнорелигиозного экстремизма, но, несмотря на это, в социологической науке до сих пор не существует единой систематизированной теории, которая может служить основанием для преодоления практических проблем в межкультурном взаимодействии населения.

В научной литературе отсутствует общепринятое определение понятия «этнорелигиозный экстремизм». Чаще всего в социологических и философских работах анализу подвергаются термины «религиозный экстремизм» (А. В. Журавский, В. А. Бурковская, З. С. Арухов, А. А. Нуруллаев, А. М. Верховский, М. Я. Яхьяев и др.) и «этнический экстремизм» (М. П. Клейменов, В. П. Бабинцев, Л. В. Баева, А. А. Бурков, А. М. Верховский и др.). Проблеме этнорелигиозного экстремизма посвящены труды таких авторов как О. А. Русанова, Ю. М. Антонян, Д. В. Новиков и др. Содержание данных понятий крайне размыто, затрагивает частные стороны явления, а не интегрирует все его признаки. По мнению авторов, представляется обоснованным использование понятия «этнорелигиозный экстремизм» по причине глубокой взаимосвязи этнического и религиозного факторов, которое прослеживается с начала человеческой истории и периода формирования этнических общностей [5]. В связи с этим приведем авторскую концептуализацию данного термина.

Экстремизм на этнорелигиозной почве является одним из элементов в структуре экстремальности. Социальная экстремальность есть вынужденная или спонтанная социальная активность, форма интенсивной деятельности — пребывание на грани исчерпания ресурсов жизнедеятельности социума и человека. Экстремальность как носитель нового культурно-ценностного содержания и форма интенсивной деятельности востребована в условиях неопределенности и социальной нестабильности [3, с. 2]

Очевидно, социальная экстремальность содержательно близка к *радикализму* — стремлению доводить политическое или иное мнение до его конечных логических и практических выводов, не идя ни на какие компромиссы [11, с. 14]. Радикализм следует интерпретировать как реакцию тех или иных социальных субъектов на критические, тупиковые или экстремальные ситуации, с которыми они сталкиваются в ходе исторического процесса [14]. Так же как и радикализм, экстремальность может быть конструктивной и деструктивной.

Конструктивные экстремальные проявления в межкультурном взаимодействии имеют свою внутреннюю логику, вызываются необходимостью и подчиняются определенным закономерностям. Они направлены на качественное, прогрессивное преобразование существующей социальной системы. К таким экстремальным проявлением можно отнести борьбу этносов за выживание в периоды дискриминации и геноцида. Их высшим проявлением является социальная революция [6]. *Деструктивная экстремальность* всегда отмечена эгоцентризмом и своеволием. Ей всегда сопутствуют агрессия и агрессивность, при этом агрессия — это действие человека, направленное на нанесение вреда другому, а агрессивность — готовность к таким действиям [3, с. 1]. Разновидностями деструктивной экстремальности являются фундаментализм, фанатизм и экстремизм.

Суть идеологии *фундаментализма* состоит в том, чтобы вернуться к старому социальному порядку или законсервировать существующие социальные порядки, заморозив, остановив процесс прогрессивных изменений. Фундаментализм возникает в условиях кризиса какого-либо движения и, как правило, противопоставит, в том числе насильственными средствами, процессу перемен, обновлению. *Фанатизм* нацелен на радикальное преобразование существующего общества в соответствии со своей утопической идеологической программой.

Фанатизм и фундаментализм — это два способа реакции субъектов на экстремальные социальные ситуации. Они могут переходить один в другой и сливаться друг с другом, выступать вместе. В своих крайних формах фанатизм и фундаментализм вырождаются в экстремизм [14].

Учитывая природу экстремизма как социального отклонения, можно сделать вывод о том, что *этнорелигиозный экстремизм* — особый тип социальной девиации, характеризующийся приверженностью к крайним взглядам и мерам в стремлении переустройства существующего уклада общества в сочетании с фанатическими и фундаменталистскими религиозными, националистическими и политическими взглядами. Последствия такого социального явления как этнорелигиозный экстремизм однозначно негативны, т. к. несут ярко выраженный антисистемный характер. Примером может служить современный кризис на Украине, спровоцированный обширными националистическими экстремистскими выступлениями, которые в итоге привели к развитию сепаратистских настроений. Грамотное разрешение этнических и религиозных конфликтов требует глубокого анализа социально-политических, социально-экономических и социально-культурных причин их возникновения.

В условиях социально-демографической трансформации структуры современного российского общества в ситуации нового обострения взаимоотношений России, Евросоюза и США, а также нестабильности рыночных отношений, проблема девиационных процессов приобретает все большую теоретическую и практическую значимость. В феврале-апреле 2014 г. авторами статьи было проведено социологическое исследование по изучению мнения населения Тюменской области о состоянии межкультурных отношений и проявлениях этнорелигиозного экстремизма в регионе. В рамках исследования были опрошены 600 жителей области в возрасте от 18 до 65 лет. Для решения задач исследования использовалась квотная выборка, позволившая построить микромодель генеральной совокупности на основе таких признаков как возраст, пол и национальная принадлежность.

Теоретико-методологическая база настоящего исследования базируется на классике социологических концепций исследования девиационных процессов в обществе, разработанных в свое время М. Вебером, Э. Дюркгеймом, К. Марксом, Р. Мертоном, П. Сорокиным и др. Современный синергетический подход к исследованию этноконфессионального экстремизма как формы девиационных процессов также включает в себя анализ изменения социального поведения и психологии в девиации, что обогащает понимание глубинных причин девиации как явления общественной жизни. Философия девиантологии базируется на относительности «Добра» и «Зла» в реальной жизни, «где порок переплетен с добродетелью, и где из добра рождается зло, а из зла добро» [4, с. 574].

Руководствуясь типологией девиаций, приведенной В. И. Менделевичем [10], авторами исследования были определены основные виды проявлений этнорелигиозного экстремизма в общественной структуре.

1) *Индивидуальные и групповые экстремистские проявления.* Такой вид экстремизма не зависит от влияния окружающих. Он особенно свойственен представителям молодежи, которые часто нарушают нормы права и морали с целью противопоставить себя обществу, конфронтируя «со всеми и вся», желая утвердить свою индивидуальность. В основе группового типа экстремизма лежит принцип группового давления и толерантности к этому давлению, при котором

всцелое принятие групповых взглядов сочетается с подавлением собственных сомнений в правильности, нормативности своего поведения.

2) *Устойчивые и спланированные, неустойчивые и стихийные экстремистские проявления.* Первый тип отличается малой длительностью существования отклоняющегося поведения, часто он связан с групповым давлением и невозможностью быть вне группы. К ним можно отнести такие акты этнорелигиозного экстремизма как спонтанные избиения представителей других национальностей на улицах, межкультурные конфликты на бытовой почве. К постоянным экстремистским проявлениям относятся формы отклоняющегося поведения, имеющие тенденцию к длительному существованию и слабую зависимость от внешних воздействий. Они обладают такими характеристиками, как регламентированность, заданность и строгая очерченность.

3) *Структурированные и неструктурированные экстремистские проявления.* Под структурированными (организованными) экстремистскими проявлениями понимается групповая форма отклоняющегося поведения, в рамках которой четко расписаны роли всех ее участников. К примеру, сектантство, членство в террористической группировке подразумевают сплоченность и структурированность. Для неструктурированной (слабо организованной) разновидности экстремистских проявлений характерно отсутствие иерархических взаимоотношений, регламентации поступков.

4) *Латентные и открытые экстремистские проявления.* Экстремизм в его открытой форме заключается в конкретных агрессивных действиях и насилии над представителями других культур. Для реализации своих целей его приверженцы обращаются к использованию чрезвычайных, насильственных и разрушительных действий, т. е. к террористическим методам. Латентный экстремизм существует на додеятельном уровне в виде взглядов, убеждений и установок. В обществе он распространен гораздо шире, чем открытые проявления агрессии и ненависти, и является маркером скрытой интолерантности и фактором социальной напряженности.

При этом, критериями экстремизма в этноконфессиональном взаимодействии можно назвать:

- нарушения прав и свобод других членов социума;
- дестабилизация существующей социальной системы (или ее провокация);
- внутриличностный конфликт, вызванный неспособностью и нежеланием принять традиции и нормы представителей другого этноса и конфессии.

Грамотное разрешение этнических и религиозных конфликтов требует глубокого анализа социально-политических, социально-экономических и социально-культурных причин их возникновения.

По мнению респондентов, проблема этнорелигиозного экстремизма является актуальной для Тюменской области, что обусловлено реальным нарастанием этнической и религиозной нетерпимости в России и во всем мире. Оценивая состояние межкультурного взаимодействия в регионе, большинство опрошенных выбрали вариант ответа «Внешне все спокойно, но чувствуется напряженность на бытовом уровне» (рис. 1). При этом заметны значительные расхождения ответов представителей русской национальности и национальных меньшинств. Последние дают более негативную оценку состоянию межкультурного взаимодействия (варианты ответа «Существует явная напряженность, есть предпосыл-

ки для возникновения конфликтов» и «Имеют место межкультурные конфликты» выбрали 6,7% и 18,6% респондентов русской национальности, и 12,5% и 20,3% представителей национальных меньшинств).

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете состояние межкультурных отношений в Тюменской области?»

На вопрос об отношении к представителям иных религий и национальностей «Какова Ваша обычная реакция в случаях когда Вы сталкиваетесь с представителями иной религии или национальности?» (рис. 2) 60,7% респондентов ответили «Не обращаю на их особенности никакого внимания; отношусь к ним спокойно», 16,6% респондентов выбрали вариант «Проявляю интерес». При этом 20,4% респондентов выбрали вариант «Отношусь с опасением, но стараюсь скрыть свои чувства». Ответы на эти вопросы подтверждают нашу гипотезу о том, что большая часть населения толерантно относится к представителям других культур, но распределение ответов демонстрирует наличие скрытой интолерантности в обществе, которая может стать предпосылкой возникновения этнорелигиозного экстремизма.

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Какова Ваша обычная реакция в случаях, когда Вы сталкиваетесь с представителями иной религии или национальности?»

Большинство опрошенных сталкивалось с проявлениями национальной неприязни по отношению к другим людям (64% ответивших) и только 9% респондентов — по отношению к себе. При этом представители национальных меньшинств лично сталкиваются с проявлениями этнорелигиозной неприязни намного чаще (среди ответивших «Да, сталкивался по отношению к себе» — 6,7% русских и 20,8% представителей национальных меньшинств).

Среди респондентов, так или иначе сталкивавшихся с проявлениями этнорелигиозной неприязни, абсолютное большинство на вопрос «Если да, то в чем заключались эти проявления (укажите все подходящие варианты ответа)» (рис. 3) ответили «Грубость и оскорбления в общественных местах» (76,8%), «Неуважительное отношение одноклассников, одноклассников, коллег по работе (обидные клички, шутки и др.)» (42,6%) и «Хулиганские действия, акты вандализма (надписи на заборах, лозунги на машинах и т. п.)» (45%). Таким образом, специфика этнорелигиозного экстремизма в Тюменской области заключается в том, что он протекает в латентной форме, существует в виде идей и настроений. Опасность латентного экстремизма состоит в том, что он имеет свойство транслироваться из поколения в поколение, подготавливая почву для возникновения явного экстремизма. При этом этнорелигиозные конфликты в Тюменской области происходят постоянно, но, т. к. имеют место на бытовом уровне и протекают не явно, создается впечатление о стабильности межкультурного взаимодействия. Спецификой этнорелигиозного экстремизма в области является его исламистский и салафитский характер, а также многоаспектность вследствие территориальной специфики и сложного состава населения. В целом, региональная специфика этноконфессионального экстремизма как девиационного процесса обусловлена, на наш взгляд, географическим положением конкретного региона, историей заселения края, современной региональной демографической ситуацией, а также качеством социально-экономического развития региона для жизни населения.

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос о проявлениях этнорелигиозной неприязни

Приток мигрантов в Тюменскую область оценивается населением негативно (рис. 4), особенно в отношении мигрантов таких национальностей, как таджики и азербайджанцы. Большая часть населения выступает за ограничение их въезда в область. Среди респондентов распространены стереотипы об опасности мигрантов и их враждебности к местному населению, а также иррациональная неприязнь к их языку, манерам и внешнему виду (что во многом определяется биологической природой ксенофобии).

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос об отношении к потоку мигрантов в Тюменскую область.

Мусульманские экстремистские организации оценены населением и экспертами как наиболее социально опасные (рис. 5). Это объясняется тем, что именно об исламских группировках чаще всего говорится в СМИ, и именно они совершили наибольшее количество громких террористических актов за последние десятилетия. При этом приверженцы ислама менее всего склонны считать свою религию предрасположенной к экстремизму. Этот результат демонстрирует экзонимичность данного понятия. Как правило, оно употребляется индивидами и группами для характеристики других, но не самих себя.

Респондентам также было предложено ответить на вопросы, связанные со стратегией управления межкультурным взаимодействием в РФ и регионе (рис. 6). Большинство ответивших считает, что национальная политика РФ должна представлять собой «Толерантное отношение к представителям культурных меньшинств как к гражданам РФ, но без предоставления им особых прав, выделяющих на фоне других национальностей». Абсолютное большинство респондентов (81%) понимают принцип «равноправия народов в Российской Федерации» как «равные права для представителей всех национальностей» (среди них 81% русских и 85,4% представителей национальных меньшинств); 12% респондентов считают, что данный принцип означает «Ущемление прав представителей русской национальности как ведущего этноса» (12% русских и 2% представителей национальных меньшинств).

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос о связи между религиозным экстремизмом и исламом в зависимости от религиозной принадлежности респондента.

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос о национальной политике РФ в зависимости от национальности респондента

Таким образом, распределение ответов на данные вопросы подтверждает гипотезу о том, что большая часть населения поддерживает стратегию мягкого мультикультурализма в управлении межкультурными отношениями в России. Как и предполагалось, для абсолютного большинства респондентов (74%) основным источником информации о состоянии межкультурного взаимодействия и мерах его укрепления, предпринимаемых в Тюменской области, являются Интернет (74%), телевидение (53,5%), а также друзья и знакомые (46,7%). Также был сделан вывод о том, что для просвещения населения в вопросах

этнорелигиозной толерантности и патриотизма необходимо использовать различные, в зависимости от аудитории, средства информирования. Для работы с молодежью, в первую очередь, необходим контроль за сетью Интернет и проведение в ней пропагандистской работы. Старшее поколение почерпнет необходимую информацию из газет, журналов и телевидения.

Меры по стабилизации межкультурных отношений и противодействию экстремизму в Тюменской области нельзя определить как эффективные, поскольку большинство населения оценивает их как «удовлетворительные» или совсем о них не осведомлено. Среди наиболее посещаемых мероприятий по профилактике этнорелигиозного экстремизма и воспитанию патриотизма респонденты выделяют «выставки и экспозиции в музеях» и «молодежные фестивали».

По мнению населения, в ближайшее время в Тюменской области могут иметь место акты этнорелигиозного экстремизма (на вопрос анкеты «Возможны ли в ближайшее время столкновения на этнорелигиозной почве, акты экстремизма в Тюменской области?» варианты «Возможны» и «Возможны, но маловероятны» выбрали 30% и 39,7% респондентов соответственно). При этом представители национальных меньшинств дают более негативную оценку состояния этноконфессиональных отношений.

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют о некоторой напряженности в процессах межкультурного взаимодействия населения Тюменской области. В условиях гармоничного межкультурного взаимодействия в мировоззренческих установках личности должны преобладать не тенденции этноцентризма и ксенофобии, а толерантность, взаимоуважение и правовое сознание. Наиболее эффективными направлениями деятельности по предупреждению этнорелигиозного экстремизма являются постановка грамотного этнорелигиозного просвещения и использование средств информирования населения, отвечающих запросам целевой аудитории. Особую важность имеет мониторинг СМИ и Интернета на предмет выявления данных о нарушении законодательства об экстремизме, публичность наказаний за эти нарушения, а также проведение социологических исследований этноконфессиональной обстановки в мониторинговом режиме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристова А. В. Религиозный терроризм в информационную эпоху // Интернет-газета «Протестант». URL: www.gazetaprotestant.ru
2. Вехов И. В. Экстремизм как объект социологического исследования / И. В. Вехов // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 111. С. 284-289.
3. Волкова Н. Г. Экстремальность в обществе риска: автореф. дис. канд. филос. наук / Н. Г. Волкова. Саратов, 2011. 17 с.
4. Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет в 2 томах / Г. В. Ф. Гегель. М., 1971. 544 с.
5. Григоренко Ю. А. Национальное и религиозное: проблема взаимоотношений / Ю. А. Григоренко // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. № 2. С. 260-267.
6. Диль В. А. Современный экстремизм и формы его преодоления: социокультурный аспект: автореф. дис. канд. филос. наук / В. А. Диль. Томск. 2013. URL: <http://>

- www.dslib.net/teorja-kultury/sovremennyj-jekstremizm-i-formy-ego-preodolenija-sociokulturnyj-aspekt.html
7. Козер Л. Функции социального конфликта / Л. Козер. М.: «Идея-Пресс», 2000. URL: http://www.e-college.ru/xbooks/xbook058/files/course/coser__pravo.pdf
 8. Ксенофобия. Большая актуальная политическая энциклопедия / под общ. ред. А. Белякова и О. Матвейчева. URL: <http://www.politike.ru/dictionary/839/word/kxenofobija>
 9. Манапова В. Э. Влияние глобализации на рост этнического экстремизма / В. Э. Манапова. 2010. URL: <http://www.ekstremizm.ru/publikacii/etniceskiy-ekstremizm/item/534-vliyanie-globalizacii-na-rost-etniceskogo-ekstremizma>
 10. Менделевич В. Д. Психология девиантного поведения: учебное пособие для вузов / В. Д. Менделевич. СПб.: Речь, 2005. 445 с.
 11. Профилактика интолерантности и экстремизма в молодежной среде: коллективная монография / И. В. Бобров, Е. Л. Доценко, О. А. Селиванова, В. Н. Фальков, И. Н. Халин, М. М. Юсупов, А. П. Ярков. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2014. 260с.
 12. Федеральный закон от 27 июня 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // КонсультантПлюс. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=148972>
 13. Этноцентризм. Психология общения: энциклопедический словарь / под общ. ред. А. А. Бодалева. М.: Изд-во «Когито-Центр». 2011. URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/1095/word/yetnocentrizm>
 14. Яхъяев М. Я. Методологические проблемы исследования экстремизма / М. Я. Яхъяев. 2011. URL: <http://www.ekstremizm.ru>
 15. Allan D. K. Explorations in Classical Sociological Theory: Seeing the Social World / D. K. Allan. Sage Publications (CA), 2005. 448 p.

REFERENCES

1. Aristova A. V. Religioznyj terrorizm v informacionnuju jepohu [Religious Terrorism in the Information Age] // Protestant. www.gazetaprotestant.ru (In Russian)
2. Vehov I. V. Jekstremizm kak ob'ekt sociologicheskogo issledovanija [Extremism as an Object of Sociological Research] // "Izvestija" RGPY imeni A. I. Gertsena [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science]. 2009. No 111. Pp. 284-289. (In Russian)
3. Volkova N. G. Jekstremal'nost' v obshhestve riska [Extremity in the Society of Risk]: Abstract of the Diss. Cand. Sci. (Philos.). Saratov, 2011. 17 p. (In Russian)
4. Gegel G. V. F. Raboty raznyh let v 2 tomah [Works of Different Years In Two Vols.]. M., 1971. 544 p. (In Russian)
5. Grigorenko Ju. A. Nacional'noe i religioznoe: problema vzaimootnoshenij [National and Religious: the Problem of Interrelation] // Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii [Herald of the Russian Christian Humanitarian Academy]. 2014. No 2. Pp. 260-267. (In Russian)
6. Dil' V. A. Sovremennyj jekstremizm i formy ego preodolenija: sociokul'turnyj aspect [Modern Extremism and Ways to Overcome It: Socio-Cultural Aspect]: Abstract of the Diss. Cand. Sci. (Philos.). Tomsk. 2013. <http://www.dslib.net/teorja-kultury/sovremennyj-jekstremizm-i-formy-ego-preodolenija-sociokulturnyj-aspekt.html> (In Russian)
7. Kozher L. Funkcii social'nogo konflikta [Functions of a Social Conflict]. M.: Ideja-Press [Idea-Press], 2000. http://www.e-college.ru/xbooks/xbook058/files/course/coser__pravo.pdf (In Russian)

8. Ksenofobija. Bol'shaja aktual'naja politicheskaja jenciklopedija [Xenophobia. The Big Modern Political Encyclopedia] / A. Beljakova, O. Matvejcheva (Eds.). <http://www.politike.ru/dictionary/839/word/ksenofobija> (In Russian)
9. Manapova V. Je. Vlijanie globalizacii na rost jetnicheskogo jekstremizma [The Impact of Globalization on the Growth of Ethnic Extremism], 2010. <http://www.ekstremizm.ru/publikacii/etnicheskij-ekstremizm/item/534-vliyanie-globalizacii-na-rost-etnicheskogo-ekstremizma> (In Russian)
10. Mendelevich V. D. Psihologija deviantnogo povedenija [The Psychology of Deviant Behavior]: A Study Guide for University Students. SPb.: Rech' [Speech]. 2005. 445 p. (In Russian)
11. Bobrov I. V., Docenko E. L., Selivanova O. A., Fal'kov V. N., Halin I. N., Jusupov M. M., Jarkov A. P. Profilaktika intolerantnosti i jekstremizma v molodezhnoj srede [Prevention of Intolerance and Extremism in the Youth Environment]: A Collective Monograph. Tyumen: Izdatel'stvo Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta [Tyumen State University Publishing House], 2014. 260 p. (In Russian)
12. Federalnuj Zakon [Federal Law of the Russian Federation] No 114-FZ "O protivodejstvii jekstremistskoj dejatel'nosti" [On the Counteraction of the Extremist Activity] Dated 27 June 2002. <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=148972> (In Russian)
13. Jetnocentrizm. Psihologija obshhenija: jenciklopedicheskij slovar' [Ethnocentrism. Psychology of Communication: An Encyclopaedic Dictionary] / A. A. Bodalev (Ed.). M.: Kogito-Centr. 2011. <http://vocabulary.ru/dictionary/1095/word/yetnocentrizm> (In Russian)
14. Jah'jaev M. Ja. Metodologicheskie problemy issledovanija jekstremizma [Methodological Problems in Research of Extremism]. 2011. <http://www.ekstremizm.ru> (In Russian)
15. Allan D. K. Explorations in Classical Sociological Theory: Seeing the Social World. Sage Publications (CA), 2005. 448 p.

Авторы публикации

Шафранов-Куцев Геннадий Филиппович — доктор философских наук, академик РАО, научный руководитель Тюменского государственного университета

Кучерявая Евгения Ростиславовна — аспирант кафедры общей и экономической социологии Тюменского государственного университета

Authors of the publication

Gennady F. Shafranov-Kutsev — Dr. Sci. (Philos.), Academician of Russian Academy of Education, Research Supervisor of Tyumen State University

Eugenia R. Kucheriavaya — Postgraduate at the Department of General and Economic Sociology, Tyumen State University